

СВЕТЛАНА КАРПИНСКАЯ:

«Я всегда
была девушкой
с характером!»

Меня до сих пор узнают благодаря рязановскому фильму, хотя уж столько лет прошло! Представьте себе, даже когда я прихожу в баню и в клубах пара поднимаюсь на полку, бабы с вениками ахают: «Ой, это же девушка без адреса!»

По папиной линии все мужчины в нашей семье были священниками. Но родственников своих я никогда не видела. В 30-х годах по решению тройки расстреляли дядю, а деда замучили как представителей поповского сословия. Папа, несмотря на дикий страх, все же отправился из Ветлуги поступать в медицинский институт в Ленинград. На студенческих вечерах веселый, кудрявый Леша Благовещенский, мой будущий отец, лихо играл на гитаре и пел дуэтом с товарищем. Однокурсники дразнили их «поповским и дворянским отродьем». За происхождение папу выгоняли из трех вузов. Од-

нажды за «поповским сыном» по длинному университетскому коридору бежал дюжий молодец в кожанке с револьвером. Спасла папу поездка на Урал. Он ликвидировал неграмотность среди рабочих на «Уралмаше», и благодаря выданной на заводе справке ему удалось наконец закончить Педагогический институт. Однако фамилия Благовещенский очень красноречиво говорила о его происхождении. Выход из положения подсказал «всесоюзный староста» Калинин, к которому на прием отправился будущий педагог: «Молодой человек, у нас, конечно, есть перегибы. Мой совет — возьмите фамилию матери». Папа внял совету и стал Карпинским.

В семье историков Карпинских в питерской коммуналке счастливо росла будущая «девушка без адреса»

снялся у Эйзенштейна в «Октябре»? Бедному студенту катастрофически не хватало денег на жизнь — естественно, приходилось подрабатывать. Одно время он сторожил по ночам склад в Елисеевском магазине, а однажды прочитал в газете о наборе в массовку к Сергею Эйзенштейну и отправился на Ленинградскую кинофабрику. Великий режиссер на пробах случайно обратил внимание на кудрявого молодого очкарика и дал ему целый эпизод! До сих пор, если удастся посмотреть эту картину, я, увидев на экране юнкера, защищающего с пистолетом Зимний дворец, не могу сдержать слез.

— И вас настолько впечатлило папино признание, что вы решили пойти в артистки?

— Нет, тогда я твердо знала, что буду журналисткой. В школьной стенгазете меня рисовали исключительно в клетчатом шарфе, с огромным фотоаппаратом и обязательно на фоне небоскребов. А как же? Если быть репортером, то с мировым именем!

Я была настоящей тургеневской девушкой, штудировавшей учебники и читающей французские романы, Чарскую, Брэма. Да и выглядела довольно по-детски. Прохожие на улице постоянно дергали меня за длинные, ниже колен, косы и при этом громко восхищались: «Ну надо

Вся семья была до того напугана репрессиями, что в нашем доме религия была полным табу: ни икон, ни отменения церковных праздников. Даже не знаю, крестили ли меня тайком в детстве. Хорошо помню время, когда в нашей роскошной комнате с эркером в питерской коммуналке мама постоянно одергивала отца: «Алексей, умоляю тебя, тише!» Они оба были историками и

Я оглядывала себя в витринах магазинов, вздыхала: «Ну почему я не Гарбо?» и начинала покашливать, как ее чахоточная героиня

прекрасно понимали, как жестоко можно поплатиться за неосторожное слово. Но жизнерадостного папу было трудно унять: он громко комментировал очередное постановление партии, совершенно не думая о прильнувших к стенке любопытных соседских ушах. Мама же, едва сдерживая смех, частенько строго ему пеняла: «Сейчас же прекрати паясничать!»

Однажды вечером — это было сразу же после окончания войны — мы с мамой все никак не могли дождаться папу. Отгоняя дурные предчувствия, успокаивали друг друга, что он, вероятно, по обыкновению заигрался с друзьями в шахматы. Наконец в час ночи белый как мел папа позвонил в дверь. Оказывается, его продержали весь вечер в Большом доме на Литейном, куда вызвали по анонимному доносу: мол, учитель истории Карпинский позволил себе на уроке обсуждать с учениками разницу конституций Америки и СССР! Отпустили его, думаю, только из-за покалеченной на фронте ноги, запретив на веки вечные преподавать Конституцию. Папа был страшно доволен, что ему остались безобиднейшие Троянские войны и битвы за Пиренеи.

Как-то он мне признался: «Светка, а ты знаешь, что я

же, какое богатство! Этого не может быть!» Однажды на Васильевском острове у Академии художеств за мной бежали два художника, предлагая позировать, но я так перепугалась, что бросилась наутек. Мне показалось, что они надо мной просто смеются — ну какая из меня натурщица: зажатая, скромная, неважно одетая?

Но однажды я сильно заколебалась в своем выборе... После войны я, как и все мои сверстницы, часто бегала

Я не сразу поняла, что на меня обрушился успех. Меня завалили письмами: «Москва. Кате Ивановой»

Сергей Филиппов был самым знаменитым из всех актеров, снимавшихся в «Девушке без адреса», — говорят, когда он шел по улице, останавливались трамваи...

в кинотеатр на трофейные фильмы с упомогачительными Марикой Рекк, Диной Дурбин и Франческой Галь. Ведь никаких развлечений, кроме цирка и фильмов про войну, мы, дети, попросту не знали. Сидя в темном зале, непременно в первом ряду, я любовалась потрясающим бальным платьем с кружевными воланами и заворуженно следила за падающей в вихре головокружительного танца шляпой Марицы Корьюс в «Большом вальсе». Мое детское сердечко с благодарностью впитывало магическую силу искусства: энергия страсти и любви этих актрис буквально лилась с экрана. Выходя после очередного, десятого по счету, просмотра «Дамы с камелиями», я оглядывала себя в витринах магазинов на Невском — толстенную, с густыми косами, да еще и в очках, вздыхала: «Ну почему я не Гарбо?» и даже начи-

нала покашливать, как ее чахоточная героиня. Умереть от любви — это ли не мечта! Однажды в дневнике, который я вела, как и все девчонки той поры, появилась запись: «Я буду сниматься в кино!»

— **И вы решили штурмовать театральные вузы?**

— Нет, мне еще храня верность своей мечте, я поступила в университет на филфак. Кстати, мою курсовую работу на тему чеховской «Дамы с собачкой» предложили даже издать отдельной брошюрой. Я мечтала о далеких странах и блестящих репортажах. С пути истинного меня сбила приятельница. Однажды она прибегает и говорит: «Во Дворце Кирова открылась драматическая студия, пойдем?» Я не раздумывая согласилась и в крепатиновом платьице цвета вишни, с заплетенными косами отправилась во дворец. Папа меня отпустил, мно-

гозначительно добавив: «Помни, актеров в былые времена не сажали за наш стол».

«Вы знаете, что очень талантливы?» — обратился ко мне после просмотра педагог Лев Владимирович Шостак. «Нет», — ответила я, покраснев от волнения. (Я конечно же подозревала об этом, а он, спасибо ему большое, озвучил.) Студийный спектакль «Поддубинские частушки», где я сыграла главную роль, сняли на «Ленфильме» и даже выпустили в прокат. Увидев первый раз себя на экране, я расплакалась. Режиссер фильма Раппопорт, до этого успевший поработать в Голливуде, наклонился

— **Вы не боялись оказаться среди звезд кино? Да и Рязанов уже всю гремел после «Карнавальная ночи»...**

— У меня — наверное, это плохое качество — нет кумиров. Вообще! Я никого не боюсь, ни перед кем не робею и не испытываю пиетета. Разве что перед Гретой Гарбо или Раневской... Вот такая у меня высокая планка восхищения.

На роль «девушки без адреса» сначала хотели взять актрису оперетты, но, по-видимому, я режиссеру понравилась больше. В фильме от моей предшественницы осталась только запись песенки. Хотя, думаю, я могла бы

Рыбников вступился за меня: «Распустите ей хоть раз волосы, они такие красивые! Что же она, как мымра, в платочке ходит?»

ко мне в темноте и с легким иностранным акцентом спросил: «Свэтка, ты што плачеш?» «Ой, я такая некрасивая!» — горестно всхлипнула я. — «Знаешь, Грета Гарбо тоже в первый раз плакала, увидев себя на экране». Этот факт из жизни кинобогини меня несколько успокоил.

После выхода «Частушек» я, восемнадцатилетняя студентка, имела большой успех, и когда мы с мамой поехали на дачу, вдогонку полетела телеграмма Эльдара Рязанова с приглашением на пробы в фильм «Девушка без адреса». Это была сама судьба!

спеть не хуже. Рязанов, критически меня оглядев, сразу же велел по утрам усиленно бегать, чтобы сбросить вес. А еще, поскольку я не умела играть на гитаре, ко мне приставили профессионального педагога-гитариста.

Начались съемки. Самое ужасное, что мне категорически не нравились те сцены, в которых я снималась! Мне так хотелось быть красивой и петь, как мои обожаемые звезды. А из меня сделали какое-то чучело: напялили старую юбку, жуткую кофту, дурацкий клетчатый платок и стоптанные босоножки! Я понравилась себе в

После успеха рязановской комедии меня пригласили на главную роль в фильм «Командировка» (с Олегом Ефремовым)

единственном эпизоде — когда сбегая с подиума в бальном платье.

— **А почему режиссер вас так одел? Вон у Гурченко в «Карнавальная ночь» какие были роскошные наряды...**

— Не знаю... Кстати, это не только я заметила. Однажды за меня даже Николай Рыбников вступился: «Да распустите ей хоть раз волосы, они такие красивые! Что же она в самом деле, как мырма, в платочке ходит?» Но Рязанов был тверд, как скала.

на меня, Эльдар Александрович!» Он очень удивился, встретив отпор никому не известной девчонки, но больше голоса не повышал. У меня очень скверный характер — могу так ответить, что любому режиссеру мало не покажется. Вот и с Эльдаром Александровичем выпустила когти. Наверное, мне легко было вживаться в роль независимой Катерины, потому что у нас с ней есть кое-что общее — чувство собственного достоинства и твердость.

Гарин потрогал мой лоб и заорал: «Стоп! Мерзавцы! У нее температура 40! Чуть молодую девку не угробили, киношники!»

— **Не очень-то теплые воспоминания остались у вас от работы с Рязановым...**

— Я вам честно скажу: не люблю я режиссеров и после встречи с Рязановым лучше к ним относиться не стала! Хотя Эльдар Александрович и был достаточно доброжелателен, я все время чувствовала: внутри он человек жесткий. Помню, здорово наорал на меня однажды. На съемках эпизода, где я должна быстро бегать по лестнице, Рязанов вдруг как рявкнет: «Шевелись!» Но не на ту нарвался. Я остановилась и отрезала: «Не кричите

— **Странно, но Рязанов почему-то практически нигде не вспоминает об этом фильме.**

— Более того, во всех книгах он пишет, что «Девушка без адреса» — неудачный фильм. По-моему, это очень несправедливо. И в первую очередь по отношению к актерам, которые честно, с душой работали над картиной. Иногда пытаюсь понять: в чем подоплека этого неприятия? Что касается меня, то, может, причина в резкости моего характера: на съемках я была слишком независима, не подлизывалась к режиссеру и не цеплялась за

роль. Наверное, актрисы не должны себя так вести. Но чем виноваты знаменитые артисты, которые снимались в фильме: Топорков, Зоя Федорова, Рыбников, Филиппов, Рина Зеленая и мой любимый Эраст Гарин? Василий Осипович Топорков, играющий в фильме гардеобщика (помните, он пел там «Я в жизни Арнольд?»), как-то заметил: «Вы очень смелая и талантливая девоч-

плю, еще какую-нибудь глупость и... ни копейки не осталось. Сижу, голодаю...

С милым и интеллигентным Гариным, моим дедушкой по сценарию, мы очень подружились. Ко мне, молоденькой неопытной дебютантке, он относился очень уважительно. Иногда Гарин во время съемок забывал текст, тогда ему писали слова на огромной картонке и показывали

Воропаев расквасил нос Белинскому, поставившему телефильм «Галатее», за то, что тот якобы хвастался романом со мной

ка, я вас беру к себе сразу на третий курс». Но я не использовала этот шанс — жить в Москве совсем не хотелось, очень одиноко мне было в столице. Я мечтала вернуться домой, жить с папой и мамой, ходить в университет, гулять по родному Ленинграду...

Кстати, платили мне за главную роль мало: бывало, получу зарплату — мамуле денег отошло, шоколадку ку-

из-под работающей камеры. Он единственный очень почувствовал, когда в декабре меня варварски поливали из шланга! (По сценарию действие происходило в сентябре.) От холода у меня зуб на зуб не попадал, и после отснятой сцены мне выдали полбутылки коньяка, чтобы не заболела. А я его никогда не пила! В «Балчуге», где я жила, портье не сразу выдал мне ключ от номера: долго с подо-

С филфака я ушла, решив получить театральное образование. Но настоящему актерскому мастерству я научилась в театре Акимова — это великая школа

зрением рассматривал мокрую дрожащую девушку, обмотанную какими-то полотенцами поверх пальто и вдобавок с початой бутылкой коньяка в руке.

На следующее утро, почувствовав недомогание, я позвонила в группу: «У меня, по-моему, температура...» В ответ, не дослушав, ассистентка режиссера бодрым голосом отчеканила: «Светочка, мы вас ждем, приезжайте!» А машину за мной, между прочим, не присылали, и на съемки я ездила на троллейбусе. Что делать? В полубморочном состоянии я послушно отправилась на «Мосфильм» через весь город. Меня сразу же поставили в кадр, как ни в чем не бывало скомандовали: «Мотор!», и только Гарин заметил, что я явно не в форме. Потро-

А еще я упала с тринадцатого этажа на двенадцатый — по собственной развязности. И ничего! Зашили злополучную юбку — и изволь сниматься!..

— А как к вам относились другие знаменитости?

— Рина Зеленая, потрясающая интеллектуалка, все время меня тянула в буфет пить кофе. Я не сразу поняла ее тактичность: за непринужденной беседой она незаметно репетировала со мной эпизоды. Потрясающая актриса, она была способна из ничего создать роль! Ведь все, что говорит в фильме ее дама из дома моделей, придумано самой Риной.

А Зою Федорову, признаться, я побаивалась. Поначалу она мне показалась очень высокомерной, даже злобной. Нас с ней в одной машине после съемок развозили по домам. Всю дорогу она молчала, очевидно, не воспринимая меня всерьез. Катерину по ходу фильма сбивала федоровская машина. Пришлось делать много дублей, я по-настоящему падала, потом долго ходила в синяках. Меня удивляло, что Зоя Федорова, сидевшая за рулем, ни разу не подошла потом и не выразила сочувствия. (Кстати, мне и в голову не приходило, что в этом эпизоде вместо меня могла бы сниматься каскадерша.) Я, честно говоря, в душе обижалась на Зою, пока совершенно случайно не узнала от гримерши, сколько известной актрисе пришлось пережить: оказывается, она отсидела восемь лет в лагерях. Помню случай, когда на нее кто-то из группы повесил голос, в ответ Зоя как рявкнет: «На меня восемь лет кричали, не смейте!» Казалось, известная актриса все время от кого-то оборонялась, даже когда на нее никто не нападал.

Гибкий, пластичный и бесконечно смешной Сергей Филиппов (кстати, мало кто знает, что он в молодости

Шофер подходит к забору и кричит: «Ганна, ты глянь, кого я тебе привез!» На меня сбежались посмотреть все родственники водителя

гал мой лоб и заорал: «Стоп! Мерзавцы! У нее температура 40! Чуть молодую девку не угробили, киношники!» Вечером я слегла с жесточайшей ангиной и провалилась в постели около двух недель. Но справедливости ради надо сказать: один раз Рязанов с оператором все-таки приехали меня проведать в гостиницу и привезли огромную коробку конфет.

Была еще одна презабавная история. Однажды на ночную съемку я взяла любимую бархатную сумочку с подаренными мамой золотыми часами и письмом поклонника-писателя, которому я понравилась в «Поддубинских частушках». После съемок хватилась сумки, а ее нет. Я искала свою сумочку по павильонам до поздней ночи. Вся группа, забыв обо мне, уже разъехалась по домам, а у меня денег не было даже на метро! Я забрела в какой-то закуток «Мосфильма» и заснула на реквизитной кушетке. Утром вернулись актеры, и мы приступили к следующей сцене. О случившемся я никому не сказала — было как-то неудобно.

закончил балетную школу), муж Федоровой по фильму, работал в Театре комедии. Его жена была писательницей, она — автор известной книжки «Мальчик из Уржума». Филиппов, пожалуй, был самым знаменитым из всех актеров, снимавшихся в «Девушке без адреса». Говорили даже, что когда он шел по улице, останавливались трамваи! А умер в полной безвестности, одиночестве и нищете. Его нашли только недели через две после смерти в собственной кровати...

Николай Рыбников, по фильму мой возлюбленный, показался мне довольно старым, ему даже специальную накладку делали, имитирующую задорный чуб! Но он был безумно обаятельным, относился ко мне как к ребенку. Очень трогательно рассказывал о своей красавице Ларионовой, на которой собирался жениться, поэтому и ухаживаний за мной никаких не наблюдалось. Перед финальной сценой, когда мы должны были целоваться, я так переживала, что ночь не спала. А как вы думаете? Я же была тогда настоящей невинной девицей —

Когда Воропаев снимался в «Вертикали», я летала к нему на вертолете в горы. Вся экспедиция каждый вечер пела у костра песню Высоцкого «Лучше гор могут быть только горы»

это и на экране видно! Слава Богу, сцену снимали на дальнем плане, и Рыбников только делал вид, что целует в губы. Помню, когда он обнял меня и прижался щекой, я зашептала: «Ой, вы такой колючий, как мой папа».

Когда съемки закончились, меня пригласил к себе директор «Мосфильма»: «Я очень доволен вашей игрой и хочу, чтобы вы переехали в Москву». — «А как же мама с папой?» — «Ничего. И они переедут. Будем для вас писать сценарии и снимать фильмы. Дадим квартиру». Я обещала подумать и укатила домой с большим облегчением.

Иннокентий Смоктуновский, сажая меня в электричку, каждый раз повторял: «Света, вы мне нравитесь. Когда снова увидимся?»

— Почему вы не воспользовались предложением? Ведь успех картины открывал такие перспективы?!

— Я не сразу поняла, что на меня свалился успех. Да и не ждала его, честно говоря, от такой несерьезной картины, все мечтала о классических ролях. Но моя Катерина запомнилась зрителям и полюбилась, несмотря на жуткую юбку. Это я почувствовала, как только вернулась в Ленинград. Меня тут же стали возить на огромные стадионы с представлениями «Товарищ кино». Из динамиков гремела моя песенка «Если лестницы Москвы вытянуть в одну...», а я под овации зрителей ехала в открытой

машине и махала рукой. А еще меня завалили письмами. На многих стоял адрес: «Москва. Кате Ивановой».

Были и смешные случаи с поклонниками. Однажды в Симферополе сажусь в такси, чтобы ехать в Ялту. Шофер, приглядевшись, расплылся в улыбке: «Ой, девушка без адреса!» По дороге, чувствую, направляемся куда-то не туда. Подъезжаем к какому-то дому, шофер подходит к забору и кричит: «Ганна, ты только глянь, кого я тебе привез!» На «девушку без адреса» тут же сбежались посмотреть все родственники водителя.

Как-то я попала в больницу с воспалением легких. В коридоре познакомилась с парнем, он поинтересовался: «Как ты сюда попала?» Я ответила, что отдыхала в городке под Ленинградом и заболела. «Да? — оживился он. — Там отдыхала «девушка без адреса». Я специально ездил на мотоцикле посмотреть на нее. Ничего особенного! Наши девушки в Сибири лучше. Да и ты тоже!»

— После такого успеха вопроса, связывать свою жизнь с кино или нет, наверное, уже не стояло?

— С филфака я ушла, решив получить театральное образование. Педагог Борис Вольфович Зон взял меня к

себе сразу на второй курс. Но настоящему актерскому мастерству я научилась в театре Акимова — это великая школа. Конечно, после успеха «Девушки без адреса» хотелось сниматься в кино, но хорошие режиссеры редко приглашали. Правда, не могу сказать, что кино было для меня потеряно: я снялась в главной роли в фильме «Командировка», где моим партнером был Ефремов.

С телевидением мне повезло больше: первая же роль свела меня с Иннокентием Смоктуновским. Я играла фабричную девчонку Галю Сазонову. Мне так хотелось понравиться Смоктуновскому, что перед съемками купила в Пассаже бордовые туфли на высоком каблуке и пришла в них на репетицию. Не знаю, туфли ли были при-

чиной, или что другое, но Смоктуновский с того дня стал часто провожать меня до вокзала (я жила за городом). Артист, которого уже узнавали на улице, шел рядом со мной, надвинув на глаза кепочку. Мне было так интересно говорить с ним о профессии! Он ведь в то время готовился сниматься у Козинцева в «Гамлете» и много об этом рассказывал. Ко мне относился очень заботливо: «Что вы любите? Шоколад? Я вам куплю плитку горького». После знакомства с этим великим актером я наконец поняла: больше всего меня привлекает в мужчинах талант! Сажая меня в электричку, он каждый раз повторял: «Света, вы мне нравитесь. Когда снова увидимся?» Увидеться вновь нам довелось не скоро — Иннокен-

После фильма «Олеся» поклонницы ходили за Воропаевым толпами и боролись за право попасть в его «гарем»

тий Михайлович к тому времени стал уже знаменитым. Как-то мы случайно встретились, он подвез меня до театра и по дороге заметил: «Светочка, что же вы меня не поздравляете? Я получил премию за «Гамлета!» «А вы мне там не очень понравились», — дерзко выпалила я. «Ах вы, обаятельный пушистый хорек», — улыбнулся он и внимательно посмотрел на меня. Видимо, в общем хоре комплиментов мои слова были для него неожиданно. Много позже я узнала, что попала в точку: он был недоволен трактовкой образа Гамлета Козинцевым.

— Знаменитой юной актрисе, наверное, нелегко устроить личную жизнь?

— Мои истории любви очень несчастливые. Ведь всякая нормальная девушка мечтает выйти замуж, а я, начитавшись романов, хотела какой-то неземной любви. И получала со всеми вытекающими страданиями. Самое печальное, что всех моих мужчин роднит одна трагическая черта — они категорически не хотели детей.

Первый мой брак продлился пять лет. Дима был актером, но ему не везло с работой, а так как он считал, что жена должна повсюду следовать за мужем, мы объездили все театры Ленинграда и Москвы. И, как назло, меня всюду брали, а его куда не принимали. Он злился, завидовал и вымещал на мне свои обиды. Самое ужасное, он не давал мне сниматься в кино. Я плакала и отказывалась от огромного количества предложений. Как-то мы

отправились с альпинистами в поход на Эльбрус. Когда я в конце путешествия объявила мужу, что забеременела, он сказал чудовищную вещь: «Вернемся — сделаешь аборт». «Ладно, — отрезала я, — но учти: я тебя брошу», и вскоре от него ушла. Для него это было полной неожиданностью, но если я сказала — выполню!

— Вы не жалели о том, что так решительно поступили?

— Я никогда не жалею о том, что делаю. Это спасает от рефлексии, которая разъедает душу, как ржавчина.

Я не задумывалась над тем, как могла бы сложиться наша жизнь, наверное, потому, что не любила его по-настоящему. И вообще, почему-то всегда не я влюблялась первой — меня надо было завоевывать. Так вышло и с красав-

цем Геннадием Ивановичем Воропаевым, артистом нашего театра, любимцем Акимова. Он столь упорно меня добивался, что я не устояла перед напором. Его сценический Дон Жуан свел с ума не одну сотню поклонниц. Женщины ходили за ним толпами и боролись за право попасть в его «гарем». Особенно после того как на экраны вышли фильмы «Вертикаль» и «Олеся» с его участием.

К моменту знакомства мы оба были несвободны, но как только нас представили друг другу, в моей голове молнией пронеслась мысль: «Как хорошо бы выйти за такого красавца!», но в ту же секунду я передумала: «Нет, пожалуй, нет». Спустя годы, когда он сделал мне предложение, я призналась: «Я тебя задумала». Что он бабник и пьяница, я узнала не сразу...

Эта дама что-то мне лепечет: «Мы с Геннадием Ивановичем...» Я размахиваюсь и как дам ей пакетом по башке! По ее лицу потекли желтки

О нашем романе знал весь театр, включая Акимова, и на гастролях нас всегда селили в один номер. Однажды в дверь моей коммунальной квартиры позвонила жена Воропаева балерина Алла Осипенко. Я вышла к ней прямо в халате. «Подумайте, — сказала она, — ведь у нас сын». Но я, зная, что Геннадий собирался разводиться еще до встречи со мной, совершенно не чувствовала себя виноватой. О чем ей прямо и сказала.

— Говорят, о вашем романе гудел весь город.

— Это правда. О нашем союзе судачили все: Геннадий был больно шумным — устраивал пьяные скандалы в театре, бесконечные сцены ревности, даже дрался из-за меня. Однажды при всех бухнулся на колени и стоял так в снегу, прося прощения за очередную обиду. Когда рассказывали о чем-то страстном романе, то непременно добавляли: «Он в нее влюблен, как Воропаев в Карпинскую». Как-то он расквасил нос режиссеру Белинскому, поставившему телефильм «Галатея», за то, что тот якобы хвастался романом со мной. А еще ему показалось, что Лев Лемке — мой любовник, только потому, что он много лет занимал меня во всех спектаклях. Я то уходила от Воропаева, то возвращалась, частенько не успев разобрать чемоданы.

Нас тянуло друг к другу невероятно. Когда он снимался в «Вертикали», я даже летала к нему на вертолете в горы. Владимир Высоцкий, его партнер по фильму, уже уехал в Москву, а вся экспедиция каждый вечер у костра с восторгом продолжала петь его песню «Лучше гор могут быть только горы». Мы жили в палатках, как настоящие альпинисты, я в специальных скалолазных ботинках поднималась на вершину Валея. Все было так романтично, пока я не узнала, что Геннадий мне изменил с девушкой-альпинисткой (она вскоре погибла в горах). Кстати, в фильме, мне кажется, он очень точно сыграл эдакого подлеца-красавца...

Катя часто меня спрашивает: «Мама, ну почему же ты не вышла замуж? Хотя бы за папу!»

Когда вечером после спектакля
мне звонит подруга: «Карпиночка!
Ты сегодня чудо как пела!»,
я радуюсь, что сбылась моя мечта
петь и Врать классические роли

Так горы дважды в моей жизни сыграли роковую роль — открыли глаза на любимых мужчин.

Именно в это время я поняла, что беременна, и твердо решила рожать, несмотря на то что Воропаев был против. Представляете, бросить меня в такую минуту! И хотя наши гримерки были рядом, мы с будущим отцом ребенка не общались. До родов оставались считанные дни, когда «доброжелатели» донесли, что Воропаев закрутил очередной роман с артисткой нашего театра. Иду я как-то с огромным животом в театр за зарплатой. По дороге в Елисейском магазине купила десяток яиц. В руках у меня пакет, а навстречу — эта дама и что-то такое мне лепечет: «Мы с Геннадием Ивановичем...» Тут я неожиданно размахиваюсь и как дам ей пакетом по башке! Стою молча и смотрю, как по ее ошеломленному лицу текут желтые дорожки.

Катя родилась в день рождения отца — 27 мая. Через три месяца я отправилась с ней в Москву на гастроли. Друзья приходили с цветами и поздравлениями, подарили роскошную коляску. Покормив Катю грудью, я мчалась в Театр Сатиры играть семнадцатилетнюю принцессу в «Тени». Воропаев жил в той же гостинице, но так ни разу и не пришел посмотреть на дочь. При этом я знала, что он весело проводит время в окружении поклонниц. Разве такое можно простить? Эти боль и обида убили во мне все чувства к нему, и когда через год он предложил: «Давай поженимся!», я ответила отказом. Любовь и ненависть в наших отношениях так тесно переплелись, что наконец, не выдержав накала страстей, я ушла из театра на четыре года.

Только когда дочь выросла, вышла замуж и родила ребенка, Геннадий Иванович стал навещать нас, гулять с внуком Алешей, даже стал помогать материально, чего не было за все время Катиного взросления. Незадолго до своей кончины он предлагал мне сойтись, но я снова отказалась. На похоронах Геннадия Ивановича все его четыре жены собрались вместе. Многие подходили именно ко мне, видимо помня наш союз, а может, потому что у Воропаева остался единственный ребенок — наша дочь. И вы знаете, там, на кладбище, я все ему простила...

— **Ну а еще раз выйти замуж вы не пробовали?**

— Катя часто меня спрашивает: «Мама, ну почему же ты не вышла замуж? Хотя бы за папу!» А я так измучилась от этих скандалов и сцен ревности, что мне хотелось только покоя. Были поклонники, были предложения, но я настолько привыкла жить одна, что не решалась сделать еще одну попытку.

Главное, у меня есть театр, в который я прихожу с удовольствием. Когда вечером после спектакля мне звонит подруга: «Карпиночка! Ты сегодня чудо как пела!», я радуюсь, что сбылась моя мечта петь и играть классические роли.

Во мне сидит какое-то здоровое легкомыслие: ни в коем случае не печалиться, что вот, мол, сколько всего упустила, не добилась, не снялась...

Однажды в Грузии за столом тамада мне в шутку сказал: «Молчи, женщина, когда джигит разговаривает». Так вот, я всегда мечтала встретить такого мужчину, который бы мне сказал эту фразу. И я бы послушалась, несмотря на свой скверный характер...

Беседовала Ирина Зайчик